

* * *

Мой дед, мой дед, погибший под Берлином,
Скажи, что видел ты в последний раз,
Воронежского храма лик старинный?
Сестры прощальный всполох серых глаз?
Немецкими рассветами отпетый,
Красивый русский молодой комбат,
Мой дед, мой дед, хотя совсем не дед мой,
А бабушки моей любимый брат.
Ты не успел создать семью, беззвучно
В могиле братской спишь на самом дне,
Но я – твоя единственная внучка –
Пишу тебе письмо в небытие.
Мой дед, мой дед, твой помня подвиг славный,
Сегодня празднует цветущая земля.
Хотя какой ты дед, ведь по годам мне
Теперь годишься только в сыновья.

* * *

Здесь, на Востоке Дальнем,
Снова зима и боль.
К синей своей печали
Ты прикоснуться позволь.
Вижу отсюда в стужу
Сквозь молодой январь:
Носишь в себе не душу –
Зыбкую сизую марь.
Месяц ревнивый носишь
Над снеговой тайгой.
Ночью выходят лоси
К сердцу на водопой.
Заяц бежит, испуган,
Филин во тьме молчит,
И голубичной выюгой
Сердце во сне сочит.
В город твой новый, славный,
Морем разбуженный гулким,
Розовых птиц отправлю,
Как оживёт багульник.

Только молчишь, не рад ты.
Занесены дороги.
Нет к нам в тайгу возврата.
Солнце – медведь в берлоге.
Здесь, на востоке брошенном,
Вьётся позёмки след.
И не найдут прохожие
На твою боль ответ.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Между тобой и мной двухтомник зелёный,
Оттиском золота имя твоё на нём.
Ты куришь трубку на фото, и дым обречённо
Тянется тенью сквозь мой оконный проём.
Так от твоих стихов светло и душисто,
Словно букет разнотравья держу в руке.
Мне никогда не найти этих слов монисто,
Чтобы с тобой звучать на одном языке.
Здесь, среди людей не поющих, отчаянно
жутко.
Я и сама у молчанья давно в кабале.
Спой мне там, на небе, под Божию дудку.
Это и всё, что хочу я сейчас на Земле.

* * *

Послушай, я знаю такие места,
Где с глазу на глаз и из уст в уста
Срывается ветер, как птицы с куста,
Душицей бежит за верстою верста,
И сотни несмятых цветут васильков,
И скроено небо из светлых шелков.
Колосья пшеницы – царевичей ряд,
К ним звёзды ночами встают на парад,
И мягкой постелью ложится трава.
Послушай, я знаю такие слова,
Что кругом твоя поплывёт голова
И ты на ногах уцелеешь едва.

* * *

Под твоими ногами снег как чудо,
Ковёр из только что скошенных одуванчиков.
Завернись в него и лети отсюда,
Как последний адепт, из секты сплошных
романтиков.

И не надо лечиться от чьих-то пустых разговоров,
И прикуривать солнце из чьих-то ладоней чужих,
Ты ведь сам себе проводник, ну вот тот, который
От Небесного Лекаря к душам людей земных.
И носи, как мантию, не снимая с плеч своих
Так искусно скроенный в дорогом ателье
Этот газовый шарфик из парящего Млечного
От, тебе знакомого, Небесного Кутюрье.

* * *

И снова к Тебе прихожу. Аскетичен, строг.
Всезнающ, и всемогущ, и, конечно, светел.
Пожалуйста, сотвори мне горячий грог.
Звучит, как последняя просьба моя на свете.
Сейчас отдышусь и пойду постигать Твой смысл.
А именно: ужин готовить, бельё стирать,
Детей воспитывать, мужа с работы ждать.
И я в этом смысле отменный специалист.
Одно не совпало, мой ласковый нежный Бог,
Прости панибратство моё, не сочти гордыней.
По духу я откровенный синий чулок,
Такой исключительно аквамаринный, синий.
Мне нравится грог Твой, он лечит меня изнутри,
И улиц небесных широкий льняной палантин.
И кресло-качалка у ясной и тихой зари,
Тебе заменяющей жаркий глубокий камин.
И этот Твой взгляд, как обычно животворящ,
Меня провожающий в путь неизменно длинный,
Когда Ты стоишь, завернувшись в свой синий
плащ,
Такой невозможный, неведомый миру синий.

* * *

Вот с таким оттенком скупого официоза
Ты больше мне писем вежливых не пиши.
Луна сегодня крайне амбициозна
И претендует на место моей души.
Пора уступить и без лишнего боя сдать.
Пожалуй, взаправду махнёмся телами с ней.
И от таких волнительных реинкарнаций
В подлунном мире станет ещё светлей.
Пойду шататься по небу бездомным мигрантом,
Сверкать то грошами, то крупной зелёной
валютой.
А может быть, стану почище земного
бриллианта,
Но мерить меня не в каратах, а в кратерах будут.

* * *

Ночь надо мной склонила профиль свой
точёный,
Сидит, не поднимая головы.
Сегодня снилось, будто я – учёный.
И мой предмет исследования – вы.
И я часами билась над задачей
Найти к вам ключ – решение простое.
Все ваши фразы ничего не значат.
Все мои мысли ничего не стоят.
Я – мореплаватель, уставший от отплытий,
Фантаст, безумный от изобретательств.
Ещё не знаю: вы – моё открытие
Или гипотеза без всяких доказательств.

* * *

Если снег – то холодное молоко,
Если вороны – то кофейные зёрна.
Я устала от этих метафор, хочу легко
И воздушно, без мелодрам и попкорна,
Рассмешить тебя. Или немного согреть.
Растопить и расслабить. При этом остаться
Белым снегом – лицом, и глазами – черней,
Чем огромные стаи вороньего братства.
Откровенно, без хитросплетения слов,
Напоить тебя воздухом, морем, движеньем,
Чтобы выдумке всех философских основ
Ты сейчас предпочёл тишины притяженье.
И от косноязычий, отправленных прочь,
Стать защитой, шатром, небоскрёбом, завесой!..
В турке зимнего города варится ночь
Черноглазым горячим двойным эспрессо.

* * *

И глянец блестящим веет мне
От жизни – уже не матова –
Когда прилетают феи две –
Цветаева да Ахматова.
Как Золушке – рис от гречки
Очистят мой стих за час
От всякого просторечья
И пошлых бессмысленных фраз.
Проделав работу, феи
Вздохнут, покачав головою,
Что вся волшебства эпопея,
Чтоб принца задеть за живое.
Но сказки финал изменчив.
Когда пропадёт вдохновенье,
Я буду смотреть на вещи
Без всякого сожаленья.
И если почует опасность
Мой принц и поймает с поличным,
Я буду сама бесстрастность,
Мол, так, ничего личного.